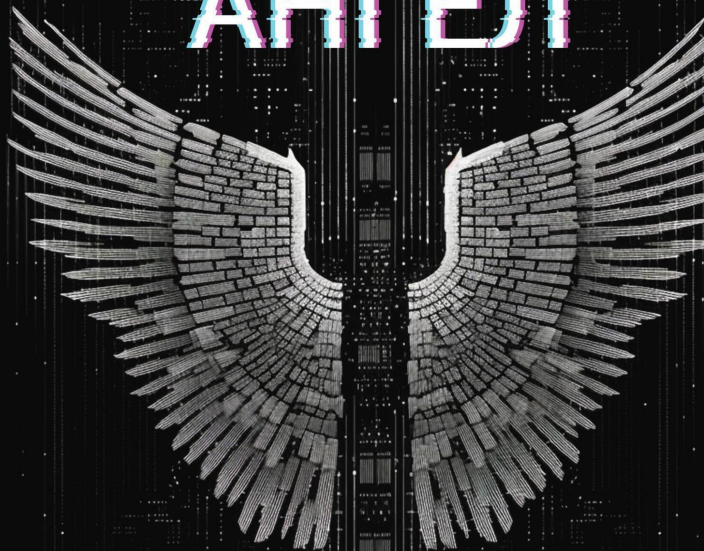

КИБЕР- АНГЕЛ

ЕЛЕНА ФИЛИ

Если нельзя спасти сразу всех, как
решить, кого спасти в первую очередь?

Елена Фили

Кибер-Ангел

Серия «Антихакер. IT-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978190

Е. Фили. Кибер-Ангел: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-195598-4

Аннотация

Детективная история о сложном моральном выборе – если ты не можешь спасти сразу всех, как решить, кого спасти в первую очередь?

По статистике 20% пассажиров удается избежать гибели в катастрофах. Они опаздывают на рейс или в последний момент отказываются от поездки...

Увеличить число счастливых – задача, стоящая перед разработчиками новой компьютерной программы. Они близки к ее решению, но еще не догадываются, что на них уже открылась охота...

В аварии погибает ученый-компьютерщик Кирилл Станов. Его смерть выглядит как нелепая случайность, но коллеги погибшего в этом сомневаются. В последнее время Станов работал над уникальной программой «Ангел», призванной выявить запланированные катастрофы и тем самым предотвратить гибель людей с высоким IQ. Благодаря новой технологии те, чья жизнь

должна была трагически оборваться из-за аварии, попросту опоздали бы на свой самолет или поезд.

Дело отца продолжает его сын Павел. Однако молодого человека в первую очередь интересует, кто стоит за убийством Станова-старшего. Во время очередных испытаний программы Павел знакомится с людьми, которые знают, что произошло на самом деле. Юноша решает отомстить за смерть отца, еще не предполагая, в какую опасную игру вовлекает его неведомый противник...

Содержание

Глава 1. Заказ	6
Глава 2. Контракт	19
Глава 3. Лиза	40
Глава 4. Дом отдыха	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Елена Фили

Кибер-Ангел

© Фили Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1. Заказ

Раздался тихий щелчок открывшейся бутылки, и в меру охлажденный нарзан с шипением полился в широкие хрустальные стаканы. Двое сидящих в сумерках просторного кабинета с наглухо зашторенными окнами имели отношение к смерти. И могли решать – кто умрет, как и когда. Но сами хотели прожить долгую и здоровую жизнь, поэтому давно отказались пить при встречах виски или коньяк. Тем более водку.

– Зачем ты меня вызвал? Да еще так срочно?

Первый с раздражением подвинул лежавшую на столе распечатку второсортной газеты с заголовком: «РОБТ¹ подписывает контракт с новой лабораторией».

Второй придвинул распечатку к себе. Бледные руки с россыпью старческих пигментных пятен и аккуратно подстриженными ногтями разгладили смятый листок.

– Помнишь, как мы начинали в 90-х? Приходилось крутиться, выбивать заказы и доказывать, что никто не заподозрит убийство, когда внезапно взорвется новенький частный вертолет, а довольный жизнью человек выпрыгнет из окна на пятнадцатом этаже?

Двое помолчали.

¹ РОБТ – Российское объединение телохранителей.

– Я носился по всей стране, выискивая одаренных молодых людей, которые ни во что не ставили жизнь других и хотели только одного – денег.

– Зато в нулевые мы процветали. – Первый допил нарзан и со стуком поставил пустой стакан на стол. – Что тебя насторожило?

– Сейчас стало труднее. Наука шагнула вперед. Одаренных ищут и сразу забирают к себе ФСБ или ГРУ, информация доступна всем, в Сети можно найти что угодно. О даркнете не знает только ленивый.

– Ты жалуешься? Это непривычно. Заказов нет?

– Заказы есть. – В голосе старика послышалось сдерживаемое раздражение. – Вот свежий.

На стол спланировал цветной снимок девушки с платиновыми волосами. Она радостно улыбалась, глядя в камеру.

– Наследница. Мать умерла, отец женился на другой, та родила сына. Мачеха не хочет делить наследство между родным сыном и падчерицей.

– А отец в курсе?

– Нет, конечно.

Старик вздохнул:

– Ничего в жизни не меняется. А пока ничего не меняется, у нас будут заказы.

– При чем здесь РОБТ и новый контракт?

Первый потянулся, пододвинул к себе распечатку и взгляделся в мелкий шрифт. Прочитав текст до середины, поднял

удивленные глаза на старика:

– Какое смешное название: «Ангел». Как детская книжка. Или церковная литература. Так в чем проблема?

– Я навел справки об этой лаборатории. Там ведут много проектов. «Ангел» – один из них. Это компьютерная программа, она будет выявлять рейсы и события, которые могут закончиться катастрофой. Самолеты, поезда, любые массовые мероприятия.

– Это невозможно! – Первый откинулся в кресле, похлопал себя по карманам и достал трубку. – Только Господь Бог может точно знать, кто и когда умрет. Ну и мы с тобой. Иногда.

Раскурив трубку, он дочитал до конца статью и побарабанил пальцами по столу:

– Не верю. Невозможно.

– Но РОБТ заинтересовался. Представь, если такая программа все же появится. Для нас организованная катастрофа – проверенный способ выполнять заказы. И он будет под угрозой.

Первый снова склонился над статьей:

– Здесь написано, что работа только началась. Это пока всего лишь идея, основанная на неподтвержденных данных о том, что при каждой катастрофе спасается одно и то же количество человек. Двадцать процентов.

– Заметь, они спасаются до катастрофы, а не во время и не после. *До!* Предчувствие, инстинкт, интуиция. В это ты

веришь?

Первый затянулся, выпустил облако душистого дыма, поднялся и принялся ходить по кабинету. Трубку он держал чуть на отлете, отчего в сумерках казалось, что она плывет рядом с человеком сама по себе.

– Что предлагаешь?

– Предлагаю задушить идею в зародыше. До подписания контракта между лабораторией и РОБТ.

– И кто «цель»? Автор программы?

– Да.

На стол вновь спланировал цветной снимок. Первый перевернул его и прочел на обратной стороне: «Кирилл Станов, 39 лет, программист». Дальше шел домашний адрес и адрес лаборатории.

– Отдай заказ Стриту.

– Стрит слишком дорого берет. А платить придется нам с тобой.

– Для него это тоже угроза. Будет личная заинтересованность. Это же его епархия – внушение на расстоянии, чтобы человек мог шагнуть с крыши, прыгнуть под машину или пилот вдруг не смог справиться с управлением вверенного ему судна. Энергоинформационное воздействие. Стрит – профессионал. Вот пусть и постарается. А денег не жалея.

– Еще вопрос. – Первый выбил трубку и любовно уложил ее в коробочку. – Там же не один программист, в этой лаборатории? Кто-то продолжит дело.

Старик убрал со стола фото девушки с платиновыми волосами и тоже встал – размять ноги.

– В лаборатории работают несколько сотрудников, которые написали отдельные части программы. И у автора есть сын, тоже одаренный программист. Учится на первом курсе в Бауманке. Победитель школьных олимпиад, турниров и прочее.

– Ну вот. Его что, тоже?

– Ты преувеличиваешь опасность. Пусть Стрит сделает свое дело с автором программы «Ангел». А с мальчишкой мы как-нибудь справимся.

* * *

Июнь девятнадцатого года выдался слишком дождливым даже по меркам Москвы, привыкшей к погодным катаклизмам.

Вот и сегодня с утра шел унылый, надоедливый дождь. По тротуару спешили прохожие, стремясь быстрее покинуть открытое пространство и спрятаться под навесом автобусной остановки, виднеющейся впереди, сразу за перекрестком.

Кирилл раздраженно откинул с лица налипшую прядь волос и сильнее надвинул на лоб капюшон куртки. Он разговаривал по мобильнику через блютус-гарнитуру, стараясь перекрыть усиливающийся шум дождя и звуки проезжающих мимо машин.

– Почему именно «Заслон»? Был же тендер!

Он выслушал, что говорит собеседник на том конце беспроводной линии.

– А ты проверил? Они точно делают дашборды², которые нам нужны? Как быстро панель обновляется в реальном времени?

Услышав ответ, Кирилл кивнул сам себе, потом поднял голову, увидел, что впереди светофор переключился на красный, а рядом загорелся значок, изображающий пешехода, и пошел быстрее.

– Мне нужны результаты предварительных испытаний, чтобы двигаться дальше. Нужно показать РОБТ хоть какие-то итоги. Иначе никакой контракт нам не светит. Возьмем студентов московских вузов, первокурсников например. Сейчас у них как раз сессия, а потом каникулы. Разделим их на группы по уровню интеллекта. Статистику испытаний пусть мой Пашка ведет. Он знает код «Ангела» вдоль и поперек. И сам первокурсник. Нечего летом балду гонять. Матери нет, а я все время на работе. Пусть делом занимается.

Кирилл, видя, что «пешеход» на светофоре замигал, рванул к перекрестку. Добежав, остановился, словно наткнулся на препятствие. И вдруг шагнул на проезжую часть. В этот же момент из-за поворота выехал внедорожник, его дворники, как сумасшедшие, метались по лобовому стеклу, разгре-

² Дашборд – интерактивная информационная панель, которая наглядно представляет, визуализирует, объясняет и анализирует различные данные.

бая потоки дождя. Разрешающий знак в виде зеленого человечка мигнул в последний раз и погас. Кирилл шел вперед и продолжал говорить по телефону, не видя из-за капюшона приближающегося автомобиля.

Раздался визг шин, глухой удар, и кто-то крикнул:

– Человек под колесами! Вызовите скорую!

От толпы, окружившей плотным кольцом место аварии, отделился человек, одетый в темный бесформенный балахон с капюшоном, опущенным на лицо так, что невозможно было различить его черты. Человек потянулся одним боком, постоял несколько секунд, словно переживал боль, и двинулся в противоположную от дороги сторону. Спустя минуту он растворился в сером сумраке морозящего дождя.

Небо потемнело. В пухлой туче, нависшей над городом, блеснула молния, потом громыхнуло, и разразился ливень.

* * *

Спустя десять дней Павел Станов досрочно закрыл сессию, сдав все экзамены на «отлично». Выйдя из аудитории, где проходил последний экзамен, Павел присел на подоконник в коридоре напротив двери и прислонился виском к прохладному стеклу. Что дальше? Как дальше жить? Вот о чем думал Павел, глядя сквозь пыльное окно на улицу. И дело было не в деньгах, с которыми приставали сотрудники отца во время похорон. С деньгами проблем не было. Павел с

четырнадцать лет работал пентестером: проводил тесты на проникновение в корпоративные сети, искал уязвимости и открытые порты. Через несколько лет, сделав себе имя и завоевав авторитет, уже имел постоянный приток заказов, а соответственно – и денег. Нет, с финансами проблем не было. И с жильем тоже. В квартире Павел был прописан, скоро ему исполнится девятнадцать, то есть переоформить квартиру на себя будет нетрудно, нужно только найти нормального нотариуса, по возможности недалеко от дома. Домработница теть Паша приходила два раза в неделю убирать и готовить. Здесь никаких изменений. А вот как дальше жить без отца? Павел ударился головой о стекло. И еще раз. И еще.

– Здорово, Станов! Ты чего тут загораешь? Сдал экзамен? Или выгнали за то, что списывал?

Худой черноволосый парень в джинсах и модной рубашке навыпуск похлопал Павла по плечу. Знакомый из параллельной группы. Кажется, Славик. Павел, не оборачиваясь, показал черноволосому большой палец и буркнул:

– Сдал.

– А ты... – начал Славик, которому, видно, хотелось поговорить. – Ты куда?

Павел, не отвечая, спрыгнул с подоконника и пошел по коридору к выходу из корпуса. Ему не хотелось никого видеть и ни с кем разговаривать. Ему нужно было подумать. Подумать над этим самым вопросом: как жить без отца?

Сначала Павлу все не верилось, что папа погиб. Да еще

так... страшно. Позвонил дядя Боря, начальник папы, сказал, что случилось несчастье. Павел, только что закончивший очередной заказ, отправил отчет и улыбнулся, глядя на свое отражение в небольшом зеркале на стене: какое еще несчастье? Вот эта его клоунская улыбка сопровождала всю карусель последующих дней: похороны, поминки, приезд сестры отца – тети Элеоноры, бесконечные соболезнования и пожимания рук. Павел жил будто в параллельном мире. Люди и все, что они делают, – сами по себе. А он – сам по себе. И только по ночам, глядя в черный потолок, все вспоминал и вспоминал эту улыбку – свое довольное отражение в зеркале. И не мог уснуть. А если засыпал, то на него надвигался давний кошмар: он тонет, не может вздохнуть и вынырнуть, не пускает враг – серая вода. В девятом классе ребята устроили пикник на летних каникулах на берегу Химкинского водохранилища. Веселились, хохотали, купались. Пока одна девочка не стала тонуть. Мальчишки кинулись ее спасать, беспорядочно прыгая в воду. И Павел тоже спасал: нырнул на дно, встал и толкал девчонку к поверхности, пытаясь ухватить за дергающиеся в панике ноги. И все смотрел сквозь серую воду, пока не начал задыхаться. Обошлось. Но кошмар время от времени ему снился. А после похорон – почти каждую ночь: серая вода, удушье и клоунская улыбка...

Поплакать, как советовала тетка, Павел не мог. Не плакалось.

Стараясь не думать о том, что произошло, Павел как заве-

денный учился и сдавал экзамены и зачеты. В деканате с пониманием отнеслись к его просьбе закрыть сессию досрочно. О трагедии как-то узнали – может, дядя Боря позвонил и сообщил.

Сегодня все закончилось. Сессия. Дела. Остался нерешенным один вопрос. Как жить дальше?

На улице светило солнце, словно природа решила наградить им город после месяца непрерывных дождей и вчерашнего ночного урагана. Но было холодно. Наверное, из-за ветра: зябкого, влажного. Павел поежился и накинул куртку, которую до этого держал в руках. Куда теперь? Домой идти не хотелось. Слушать, как ругаются Элеонора и тетя Паша. Они начали ссориться вчера. Вчера было девять дней. Тетя Паша доказывала, что душа отца еще здесь, все видит, поэтому поминки нужно сделать «как полагается», по-христиански: пригласить людей, накрыть стол. Нора бродила тенью по квартире, бесконечно курила и, разгоняя рукой едкий дым, отвечала, что это все предрассудки. Павлу не хотелось вообще никаких поминок, хватило и тех, что были сразу после похорон, – с водкой, пьяными речами, обещаниями помощи. Они с Норой (так тетка просила себя называть, а Павлу было все равно) решили, что посидят вдвоем, ну, втроем, если тетя Паша согласится на такое нехристианское застолье. Тетя Паша согласилась. Под конец, хлопнув три обязательные стопки и закусив кутьей, встала из-за стола, пробормотала, глядя куда-то вверх, что «не забудет», и отправилась домой.

А Павел и Нора остались молчать. Через десять минут тишины Нора спросила:

– Хочешь, я расскажу тебе, какой Кирилл был в детстве?

– Нет.

Он ушел к себе в комнату. Зачем ему это знать?

* * *

Павел брел по тротуару, сторонясь спешащих горожан. Повалившееся во время урагана дерево перекрыло въезд во двор, вокруг копошились дворники в синей спецодежде. Раздался удар, словно короткий взрыв, Павел вздрогнул, и к нему вдруг вернулся слух. Он различил звук бензопилы, шум проезжающих машин, разговоры прохожих. Павел огляделся. Огромная куча мусора, сломанных веток, досок, стройматериалов высилась у края дороги, видимо, ожидая машину, которая вывезет все это на свалку. Куча была чем-то похожа на ежедневный завтрак Норы: горка мюсли на воде с медом, приправленная куском сливочного масла.

В кармане куртки завибрировал мобильник, поставленный на беззвучный режим.

– Да.

– Паша, это дядя Боря. Сдал сессию?

– Да. Спасибо, что связались с деканатом.

– Я вот чего звоню, Паша. Ты не мог бы подъехать к нам в лабораторию?

– Зачем?

– Понимаешь, на меня наседают ребята из РОБТ, это объединение телохранителей России. На прошлой неделе они должны были с твоим папой подписать контракт.

– А я при чем? – Павел сморщился от того, что жизнь и без отца продолжается, а это было... неправильно.

– Ну, они хотят, чтобы мы возобновили работу над программой «Ангел». Говорят, что если найдем способ высчитывать вероятность того, что рейс обречен, то они в деле. Как выразился один из них: «Если речь идет о жизни клиента, то лучше перебдеть, чем недобдеть».

– Да я-то при чем?! – взорвался Павел. – Ваш контракт, вы и работайте!

– Паша, ты не горячись, – Борис Львович тяжело вздохнул в телефон. – Но надо как-то... Как-то жить дальше. А ты, Кирилл мне говорил, весь код программы знаешь. Отец хотел, чтобы ты занялся начальными испытаниями, и...

– Отец... Он гений был. А я студент-первокурсник, – чуть спокойнее ответил Павел, продолжая идти все быстрее и быстрее. – Чем я смогу помочь этому РОБТ? Испытания мы с папой обсуждали, да. Если хотите, проведу я вам испытания. Ну а дальше – сами. Только это недешево обойдется, мы прикидывали.

– Так если подпишем контракт, объединение согласно спонсировать работу, Паша! Ты, главное, объясни телохранителям, что сделано, что предстоит сделать, сколько време-

ни, хотя бы примерно, тебе... то есть нам, нужно, чтобы закончить дело.

– Дядя Боря, я завтра приеду. И смету привезу.

Больше не слушая, что говорит начальник бывшей папиной лаборатории, Павел сбросил вызов, сунул телефон в карман и перешел на бег. Он бежал по улице, толкая не успевших отскочить с дороги прохожих, пока не устал, не изнемог, не почувствовал, что может снова дышать и думать. Он вдруг понял, как дальше жить без отца: нужно продолжить его дело, закончить программу «Ангел». Она важна, и если все сложится, то автора программы не забудут. Программа Кирилла Станова! Вы разве не слышали? О, это новое слово в программировании! Соединение научных методов с прикладными дисциплинами, которые позволят спасти людей!

Павел остановился. Только сможет ли он все сделать правильно? Юноша подставил вспотевшее лицо ветру. Он постарается.

Глава 2. Контракт

В эту ночь Паша впервые выпался. Не паялился в потолок, не задыхался в серой воде. Просто спал. Без сновидений. Проснулся, когда в окно заглянуло солнце и лицу стало тепло от случайного лучика. Он прислушался. На кухне свистел чайник (тетя Паша не признавала ни электрических чайников, ни кофемашин), гремела переставляемая с места на место посуда, звучала ария мистера Икса, которую тетя Паша напевала, когда готовила или убиралась, пребывая в хорошем настроении. В плохом настроении едва слышно и угрожающе она выводила арию Кармен. У тети Паши был красивый тембр и отличный слух. Павел улыбнулся.

Хорошо!

Он вскочил, сложил диван-кровать, натянул треники и пошел умываться. Когда вышел из ванной, на кухне разгорался скандал. Что такое?

Вокруг плавал сизый дым. Нора, с кружкой кофе в одной руке и сигаретой в другой, стоя спиной к окну, с преувеличенным вниманием слушала тетю Пашу.

– Кури на балконе! Ишь, курилка какая выискалась! У нас в семье никто не курит! И дышать этой гадостью...

– А ты попробуй. – Лукавые черные глаза Норы смеялись. – Вдруг тебе понравится?

– Тьфу!

– Так... дамы. – Обе женщины, увлеченные спором и не заметившие вошедшего на кухню Павла, вздрогнули. – Я तो-роплюсь. Мне бы поесть побыстрее.

Тетя Паша кинулась к плите, Нора затянулась, отхлебнула из кружки и отвернулась к окну. Павел вздохнул. Как бы поступил отец? Кого бы поддержал? Тетя Паша с ними несколько лет. А Нора – сестра отца.

– Нора будет курить на балконе.

Установилась опасная тишина. Нора хмуро посмотрела на Павла, в последний раз сильно затянулась и затушила сигарету в кружке.

– Без проблем.

– Нора, тебе завтрак подавать? – тетя Паша примирительно взглянула на недавнюю противницу.

– Мне мюсли, как обычно, спасибо, Паша.

Завтрак прошел в той же опасной тишине. Поев, Павел вышел из кухни и, остановившись за углом, прислушался.

– Попалась бы ты мне на хирургическом столе с гнойным аппендицитом! – услышал он возмущенный шепот Норы, хирурга в местной больнице.

– Кружку с сигаретой за собой сама вымоешь, не разломишься!

Из кухни послышались перестук тарелок, звук льющейся воды и ария Кармен.

Павел, давась от сдерживаемого смеха, прошмыгнул к себе в комнату, отдышался и принялся одеваться. Часы на мо-

бильнике показывали, что время еще есть, но лучше поторопиться.

У входной двери его поджидала Нора. Она мяла в руке незажженную сигарету.

– Ты куда?

– В лабораторию, где отец работал. Начлаб вызывает.

– А зачем?

– Надо решить вопрос с контрактом.

Нора перегородила рукой коридор, не давая Павлу пройти.

– Ничего не подписывай! На тебя сейчас могут повесить какие-то долги отца, его расписки, обещания выполнить неизвестно что. Будь осторожен, Паша!

Павел удивился:

– Ничего я подписывать не буду. Начлаб пусть подписывает. Пропусти.

Он поднырнул под рукой Норы и выскочил за дверь.

* * *

Звуки шагов, клцанье пальцев по клавиатуре, приглушенные разговоры и отдельные слова: «сервер», «настройки», «фильтрация», «контент», «бот», «интервал сканирования» – все это услышал Павел, подходя к приоткрытой двери лаборатории. Он постоял, немного волнуясь оттого, что увидит сейчас место, где работал отец, и постучал:

– Можно?

– Открыто! Заходи!

В лаборатории на первый взгляд царил хаос. Несколько человек с сосредоточенным видом сидели у компьютера за прозрачной стеклянной перегородкой, разгораживающей рабочие места. Двое обсуждали что-то, стоя возле кофемашины. Вдалеке слышался шум печатающего принтера и громкий спор. По проходу навстречу Павлу шел Борис Львович, начальник лаборатории и друг отца. Павел позвонил ему с проходной предупредить, что уже находится в здании.

– Здравствуй, Паша! – и, обращаясь к коллективу, сказал: – Коллеги, разрешите представить: Павел Кириллович Станов. – А потом, строго обведя взглядом стихнувших сотрудников, добавил: – Сын нашего Кирилла.

«Коллеги» дружно окружили Павла, со всех сторон раздались голоса: «Привет, старик», «Рад знакомству», «Твой отец был классный чел, соболезнаю». Павел почувствовал, как сдавило горло. Он кивнул сразу всем, поспешил вырваться из круга и двинулся к Борису Львовичу, который терпеливо его ждал.

– Ну вот, Паша, здесь было рабочее место Кирилла. Основное помещение ты видел, есть еще серверная, переговорки, склад и комната-столовая. Ты уже на каникулах? Полностью сессию закрыл?

– Полностью. С сегодняшнего дня каникулы.

Внезапно раздался возмущенный возглас. Павел и Борис

Львович повернулись на шум.

– Ну, что опять случилось? – Борис Львович выжидающе поднял брови и сложил руки на груди.

– У меня третий раз за день кружка с кофе опрокинулась на рабочую тетрадь! – Среднего роста вихрастый парень в джинсах, кроссовках и футболке с длинными рукавами бежал вокруг компьютерного стола и тряс мокрыми листками, с которых падали на пол коричневые капли. – Я не успел еще занести записи в комп!!!

Борис повернул к Павлу смеющееся лицо:

– Не обращай внимания. Мы месяц назад переехали. До нас от этого офиса отказались две компании. Теперь понимаем почему.

– Потому что здесь живет полтергейст! – Парень со злостью кинул испорченную тетрадь на стол.

По лаборатории пронесся шум, хохот и раздались выкрики:

– Да!

– Ты сам и есть полтергейст!

– У тебя просто руки-крюки!

Парень с испорченной тетрадью упрямо доказывал, глядя на начальника и Павла:

– Постоянно опрокидывает кофе на записи, а еще открывает форточки, сбрасывает бумаги на пол и хлопает дверями!

Молодой мужчина, светловолосый, с усами и маленькой бородкой, насмешливо посоветовал:

– А ты проверь последнюю цепочку алгоритма. На которую кофе пролился. Там, скорее всего, ошибка! Даю пять баксов! Пари.

Издаലെка слышалось:

– Я принял!

Борис Львович закатил глаза и, не обращая внимания на усилившийся гомон, смущенно пробормотал так, что слышал его только Павел:

– Но такие явления имеют место. Н-да... Ни во что подобное никогда не верил. А теперь засомневался.

Снова раздался голос вихрастого, теперь изумленный:

– Нашел косяк...

В лаборатории раздался шум отодвигаемых стульев, смех, шаги и возгласы:

– Да ладно, покажи!

– Где мои пять баксов?

– Держи, Ванга!

– У меня тоже вчера так было.

Начальник лаборатории укоризненно покачал головой и указал на дверь кабинета:

– Пойдем, Паша.

И повел Павла подальше от шума в кабинет, так же, как и столы, отгороженный от общего помещения стеклянной стеной с жалюзи, поднятыми до упора. Зайдя внутрь, первым делом он приоткрыл форточку, и в комнату залетел ветер, разгоняя застоявшийся бумажный запах. Сразу стало свежо.

Борис Львович указал на длинный стол с рядами стульев с двух сторон. К столу был приставлен другой, заваленный бумагами, с большим монитором – как понял Павел, рабочее место начальника.

– Располагайся. Я выйду ненадолго. Позвонить.

Павел сел, достал из рюкзака и положил на стол флешку и несколько листов в прозрачной папке. Услышал свое имя и оглянулся. За стеклянной стеной ходил Борис Львович, прижимая к уху мобильный телефон. Он что-то доказывал невидимому собеседнику, еще раз произнес имя Павла, затем сделал свободной рукой рубящее движение сверху вниз, будто подводя под сказанным черту. Положив мобильник в карман пиджака, постоял, потом с силой потер ладонью трехдневную щетину, зашел в кабинет, сел за свой стол и обратился к Павлу:

– Завтра мне пришлют предварительный список студентов-первокурсников для участия в испытаниях. Мы с твоим папой эту часть хотели тебе поручить.

Павел кивнул:

– Да, я помню. Только называйте нас уже второкурсниками, дядя Боря. Испытания будут в июле, после сессии, а кто успешно сдал экзамены, тот перешел на второй курс, вот.

– Принято. Что на флешке? – Борис Львович указал на выложенные Павлом предметы.

– Ну, там я прикинул расходы.

– Сюда толкни, – Борис Львович постучал пальцем по сто-

лешнице рядом с монитором.

Павел с силой двинул по флешке, отчего та, пролетев по полированной столешнице, остановилась прямо у пальца начлаба. Тот воткнул флешку в гнездо разъема и посмотрел на экран.

– Поясняй, я готов.

– Идея была такая. – Павел разложил листки из папки перед собой. – Сначала предварительные испытания с минимальной выборкой. Потом, учитывая промахи, сделать уже репрезентативную выборку, по результатам которой двигаться дальше.

– У тебя тут ничего не понятно. Ты вчера говорил, что будет смета.

– Ну как смета, – Павел смутился. – Я же не бухгалтер, дядя Боря. Там перечислены пункты, по которым будут расходы. А какие именно расходы... – Павел пожал плечами.

– Ладно. Оформим вместе. Ты читай по своим бумажкам и поясняй, я буду заносить в систему, и получим затраты. Начинай.

– Студентов нужно будет человек сорок, из разных академий и факультетов. Чтобы были и отличники, и троечники. Дальше. Место для проведения испытаний. Мы с папой... В общем, в прошлом году мы были в доме отдыха под Звенигородом, это бывший санаторий ВМФ. Хорошее место. Рядом лес, река. Недалеко от Москвы. Дом отдыха еще не раскручен, поэтому сорок мест, скорее всего, найдутся даже в

летний сезон.

– Плюс – это большой заказ, думаю, пойдут навстречу, – кивнул Борис Львович, не отрывая взгляда от экрана монитора.

– Размещение в комнатах по четыре человека. Итого нужно забронировать десять комнат.

– Плюс тебе лично отдельное помещение нужно для ноутбука, принтера, бумаг и прочего.

– Да, точно. Так вот. Первый этап – анкетирование. Анкету еще нужно разработать.

– С этим делом поможем. – Начлаб быстро набрал что-то на клавиатуре. – Мои сделают быстро, и дополнительных затрат не потребуется.

– Я обработаю анкеты и разделю общую массу студентов на группы.

– По какому признаку будешь делить?

– По ай-кью. Это папина идея. Он считает... считал, что на подготовительном этапе, когда еще точно неизвестно, обречен рейс или нет, но критические двадцать процентов отказов есть, нужно не сидеть сложа руки, а пытаться спасти людей. Но спасти нужно элиту нации, а не кого попало. А элиты, сами понимаете, с низким ай-кью не бывает.

– Да-да, у нас специально для Кирилла под эту тему базы данных создали. Кто где работает, кем, какие достижения были в жизни. Пока, правда, только по Москве и Подмосквовью.

Раздался звонок мобильного.

– Да. – Борис Львович послушал, что ему говорят по телефону, и снова сделал странный жест, будто подводил черту. – Отлично. Пропуска еще со вчерашнего дня лежат. Паспорта предъявите охране, вас запишут и покажут, куда идти.

Он нажал «отбой» и кивнул Павлу:

– Продолжай. Расходы: билеты студентам, расселение в санатории, то есть в доме отдыха, питание, проживание. Сколько дней понадобится?

– Ну, на анкетирование хватит одного дня. За день справимся. После обработки сорок человек будут проранжированы по уровню ай-кью от самого высокого до самого низкого. Дальше. Второй этап. Нужно разделить испытуемых на группы, например по четыре человека. Это десять групп. Суть в том, чтобы выделить лидера в группе. Тут засада. В смысле затрат. Мой вариант испытаний на втором этапе отец забраковал. А свой придумать... не успел.

Павел отвернулся к окну, помолчал и, упрямо наклонив голову, продолжил:

– Я вам свой вариант сейчас расскажу, вы прикиньте по деньгам и решите, что делать, может, мне подскажите. Ну и третий этап – добраться до аэропорта на условно обреченный рейс. Кто успеет, того заношу в свою таблицу с ай-кью, при этом буду анализировать то, как добирались.

– А ты думаешь, что испытуемые с высоким ай-кью будут добираться в аэропорт как-то иначе, чем испытуемые с низ-

ким?

– Конечно. Это не только я думаю. Мы с папой обсуждали. Смотрите. У вас ограниченное время, то есть препятствие. Плюс и другие препятствия: отмена рейсов автобусов, изменение расписаний электричек, светофор где-то отключен и так далее. Представьте себе лес и чащу. Деревья, овраги, ручьи и есть наши преграды на пути к финишу. Низкий айкью поперет напролом. Для него задача простая, чего тут долго думать? Самый быстрый путь – это самый короткий. А интеллеktуал изучит карту, прикинет варианты, выберет оптимальный и в итоге доберется до финиша первым. Профессионалы – лесники, егеря, охотники – в расчет не берутся, они исключения из правила.

– Ух, как ты всех... распределил. Узнаю Кирилла. Он тоже безжалостно делил людей на цвет нации и остальную массу. Ну что ж... Черт, второй этап обсудить не успеем.

Борис Львович встал из-за стола, одернул пиджак и вышел из кабинета.

Павел, как раз приготовившийся изложить свои мысли про второй этап, удивленно проследил за ним взглядом. Трое молодых мужчин с военной выправкой шагали в ногу по проходу, по которому полчаса назад прошел Павел.

Начлаб встретил их, поздоровался с каждым за руку и пригласил в кабинет. Павел, поняв, что беседа окончена, собрал листочки, упаковал в папку, потом в рюкзак и подошел к столу с монитором, решая, сейчас забрать непригодившу-

юся флешку или потом.

– А ты куда, Паша? Это представители РОБТ, я тебе вчера рассказывал. Знакомься.

Павел растерялся. Он же помнил про контракт, когда шел сюда. И слова Норы: «Ничего не подписывай» – тоже помнил. Но потом увлекся рассказом об испытаниях и все позабыл. Мужчины из этого самого РОБТ выглядели... внушительно. Как он будет с такими серьезными дядями обсуждать программу отца? Вон один, невысокий качок, наверное, самбист, смотрит, словно сканером прощупывает. Как вообще ведутся такие переговоры? Павлу заказы на тестирование просто скидывали в мессенджер, отчеты он отправлял по электронке. Подписывал договоры цифровой подписью. Как-то так. Павел представил, как он сейчас выглядит в глазах телохранителей. Студент-второкурсник, худой, длинный, плохо подстриженный, в джинсах и чистом, много раз стиранном худи. «Да ладно, не трусь», – одернул он себя. Они тоже не в галстуках пришли.

– Виктор, – представился невысокий качок, который пронизывал Павла взглядом-сканером.

Виктор неожиданно широко улыбнулся полными губами, отчего глаза-сканеры чуть прикрылись приподнявшимися щеками, шагнул навстречу Павлу и протянул руку. Павел с опаской пожал твердую шершавую ладонь и, представив, как этот Виктор рубит противников такой ладонью-лопатой направо и налево, поежился.

– Павел Станов. – По очереди Паша пожал руки двум другим мужчинам и посмотрел на начлаба: мол, что дальше?

– Присаживайтесь.

Паша сел на прежнее место, оно показалось ему уже родным, обжитым. На другой стороне стола расположились представители РОБТ, причем напротив Павла сел качок Виктор, а по бокам от него остальные двое. Борис Львович, закрыв жалюзи на стенах кабинета, отчего в помещении стало по-казенному неуютно и серо, устроился рядом с Павлом.

– Что ж, начнем. – Начлаб вопросительно посмотрел на мужчин: – У вас есть вопросы к Павлу? Он сейчас готовит испытания, чтобы продолжить разработку «Ангела».

Паша мысленно чертыхнулся. Ну дядя Боря! Ну жук! Ловко перевел стрелки!

Виктор испытующе посмотрел на Павла:

– Не скрою, мы заинтересованы только в конечном результате программы. Нам приходится охранять очень богатых клиентов, которые имеют собственные самолеты. Когда мы разговаривали с автором «Ангела», он уверял, что в итоге будет твердая цифра: процент, подтверждающий, что рейс обречен. Разговор шел только в общих чертах. Хотелось бы узнать подробности. И услышать про сроки.

– Чтобы получить конечный результат, нужно еще много работать...

Борис Львович незаметно подтолкнул локтем Павла, мол, подключайся. Павел встрепенулся:

– Та самая твердая цифра, которая максимально возможна, – это двадцать процентов. Вообще, от пятнадцати до двадцати...

– Это предварительно, будут испытания, потом отладка... – перебил Борис Львович.

– Такой результат нас устроит. Для жизни клиента сомнение в двадцать процентов – это много. – Виктор переглянулся с товарищами, оба синхронно кивнули. – Откуда вообще взялась такая цифра? Почему именно двадцать, а не тридцать, не сорок?

– Цифра появилась в результате расчетов и...

– Из интернета. Статистика катастроф и выживших в них. Плюс информация из открытых и не совсем открытых источников, – теперь Павел перебил начлаба.

Он смотрел прямо в глаза-сканеры Виктора. Пусть решают, нужна им программа «Ангел» или нет, основываясь на правдивой информации. Обманывать Павел никого не собирался. Даже если проект закроют, он сам его закончит. И без них обойдется. Вообще-то нет, не обойдется. Испытания... Нужны деньги.

Оба – и Павел, и начлаб – замолчали. Ждали реакции Виктора, поняв, что именно он в тройке мужчин главный.

– Не понимаю. – Мужчина, сидевший справа от Виктора, поднял вверх руку словно ученик в школе. – Если все известно, почему этим делом никто не занимается? Почему не отменяют рейсы? Если статистика постоянная?

Павел и начлаб переглянулись. Павел на листке быстро начеркал: «80!!!», начлаб, скрывая улыбку, опустил голову.

– Вы переставляете местами события. Сначала происходит катастрофа, а потом появляются сообщения о чудесном спасении. Журналисты выискивают тех, кто не попал на этот рейс.

– И непопавших всегда двадцать процентов? – недоверчиво переспросил Виктор.

– От пятнадцати до двадцати. Отец собрал статистику за несколько лет. С две тысячи второго года и до две тысячи восьмого, когда взорвали «Невский экспресс».

– Допустим. – Виктор вдруг внимательно посмотрел на дверь в кабинет, наклонился к своему сотруднику слева и что-то прошептал. Тот неслышно встал, словно выплыл из-за стола, и так же неслышно, осторожно переступая, двинулся к двери.

– А вы, как я понял, хотите выявить эти двадцать процентов отказников до начала рейса? И так обозначить будущую катастрофу? Каким образом выявить?

– Боты будут мониторить соцсети. – Павел удивленно следил за мужчиной, который прокрался к дверям, постоял, прислушиваясь, и кивнул Виктору. – В настройках мониторинга заложены основные ключевые слова, такие, как «не успеваю», «не поеду», и определение тональности, например паника, взволнованность. Еще будем отслеживать возвраты билетов. Как только программа выловит совпадение в пят-

надцать-двадцать процентов сообщений о том, что кто-то не попадает на один и тот же рейс, включится наш «Ангел». Выявит условно обреченный маршрут, подключится к базам данных. Определит, кто из базы тоже купил билет на этот рейс. И начнет незаметно работать. Если по-простому: мешать людям добраться до аэропорта или вокзала.

– Давай! – громким шепотом приказал Виктор, мужчина распахнул дверь и выскочил наружу.

Шум и разговоры в лаборатории, ворвавшиеся в открытую дверь, мгновенно стихли. Мужчина одной рукой втащил в кабинет упирающегося парня. Павел узнал в нем того, кто жаловался на полтергейст.

– Володя? А что ты за дверью... – Борис Львович растерянно приподнялся и снова сел.

– Подслушивал. – Виктор встал и подошел к парню. Тот, с вывернутыми телохранителем руками, со страхом, исподлобья следил за ним.

– У вас, ребята, крыша течет. – Виктор быстро обыскивал несопротивляющегося Володю. – Я сначала думал, что информацию про контракт между лабораторией и РОБТ специально слили в СМИ для рекламы, чтобы спонсоров привлечь. А здесь настоящий шпион нарисовался. Кто заказчик?

Виктор ткнул пальцем «шпиону» в какую-то точку на животе, тот охнул от боли и выкрикнул:

– Не знаю! На почту анонимно прислали заказ!

– Выведи его пока... куда? – Виктор повернулся к начла-

бу.

– Куда... Можно в переговорную номер два, она в конце коридора. Как выйдете из лаборатории, сразу направо... А что вы собираетесь с ним делать? – Борис Львович с грохотом отодвинул стул и поднялся во весь свой немаленький рост, нависая над коротышкой Виктором. – Это мой сотрудник, и нужно сначала выяснить, почему он так... поступил.

– Выясним, выясним. – Виктор успокаивающе похлопал начлаба по руке. – Мы тут закончим, а Леша со шпионом в переговорке посидят. Потом будем разбираться. Да?

Товарищ Виктора вывел Володю и прикрыл за собой дверь. Все расселись уже меньшим составом по прежним местам и переглянулись.

– Ну, хорошо, хорошо. – Начлаб тяжело опустился на стул. – Давайте продолжим. А как вы... ну, поняли, что за дверью... шпион?

– Меня учили по материалам академика Сутонина.

Начлаб оживился:

– Биоэнергетические технологии? Вот оно что...

– Вы говорили о ботах, которые будут мониторить соцсети, – бесстрастно напомнил Виктор, глядя на начлаба. – А что за базы данных, к которым подключится «Ангел»?

– Давайте я расскажу. – Павел подтянул к себе вновь выложенные листки бумаги, чтобы казаться солиднее. Виктор ему понравился. Вдруг захотелось доказать ему, что программа «Ангел», задуманная отцом, стбящая. Казалось, что

Виктор поймет и оценит. – Есть предположительно обреченный рейс. Решение «Ангела» будет основываться на мониторинге соцсетей и условных двадцати процентах отказов. Мы не сможем пока обращаться в аэропорты с просьбой об отмене рейса. Такие доказательства не примут. «Ангелу» нужно набрать собственную статистику. Допустим, будет десять катастроф, о которых «Ангел» заранее предупреждал. Тогда к нам прислушаются, тогда заработает государственная машина, как говорил мой отец, и спасение всех пассажиров рейса будет возможно. А пока мы будем стараться спасти кого-то из людей.

Павел коротко взглянул на Виктора. Тот все так же бесстрастно слушал, ничем не выдавая своего отношения к словам Павла. Тот заволновался и быстро закончил:

– Отец подумал: а почему бы, пока программой не заинтересуется государство, не сделать так, чтобы спасались не случайные люди, а те, от кого, например, зависит будущее нации? Или даже мира? Представьте, что на такой обреченный поезд сел Эйнштейн? До того как написал свои гениальные работы. И погиб. А спасся какой-нибудь сантехник или... не знаю, библиотекарь, например.

– И базы данных, о которых упомянул Борис Львович, – это та самая *элита нации*? – Виктор задумчиво начертил на столешнице силуэт самолета, перечеркнул его и спросил: – А как же цифра? Двадцать процентов? Получается, в сумме будет больше? Те, кто сам, что-то предчувствуя, откажется

от полета, плюс те, кого «Ангел» спасет из базы данных?

Павел отрицательно покачал головой:

– Это все выяснится, когда «Ангел» начнет работать. Но отец думает... думал, и я с ним согласен, что цифра останется той же.

– Ладно, суть я понял. А базы данных вы уже составили? Начлаб и Павел в знак согласия кивнули.

– Пока только по Москве и Подмосковию. – Начлаб, до этого сидевший в растерянности, очнулся и подключился к переговорам. Павел перевел дух.

– То есть в сухом остатке, – хмурясь, проговорил Виктор, – пока программа не докажет свою состоятельность, вы будете спасать цвет нации из двадцати процентов, а человеческий мусор в оставшихся восьмидесяти пусть гибнет на обреченных рейсах? Помню, твой отец говорил, что они нужны лишь для репродукции. М-да. Попахивает нацизмом.

– Сейчас вообще никто ничего не делает. И никого не спасает, – Павел с вызовом посмотрел на Виктора. – Нужно же с чего-то начинать.

– А как будете решать, кого спасти «Ангелом», а кто пусть сам спасается?

– По величине ай-кью. – Павел внутренне сжался, предвидя реакцию телохранителей.

Сотрудник РОБТ рядом с Виктором громко хмыкнул. Виктор посмотрел на него, улыбнулся и заключил:

– Зато нас с тобой признают годными для репродукции.

Оба захохотали. Отсмеявшись, Виктор обратился к начлабу:

– У вас будут проблемы из-за деления людей на двадцать и восемьдесят. Журналюги поднимут хай!

– А никто не собирается журналистам выкладывать информацию... – Начлаб осекся, вспомнив про Володю, и посмотрел на закрытые двери кабинета.

– Вот-вот. Думается, ваш Володя за денежку сливает инфу обо всех проектах лаборатории знакомому журналисту. – Виктор невесело улыбнулся. – Нам нужно позаботиться о сохранности информации.

– Нам? – уточнил начлаб.

Павел с облегчением выдохнул и почувствовал острую благодарность к коротышке-телохранителю. А ведь после обвинения отца в нацизме Виктор стал для него чуть ли не врагом.

– Нам. Мы в деле, – кивнул Виктор. – Вот контакты наших юристов.

Виктор выложил на стол две визитки.

– Пусть ваши юристы свяжутся с нашими и начинают готовить контракт.

– Подождите, – Павел остановил начавшего подниматься Виктора. – Ваши рейсы – это частные самолеты, информации о них в соцсетях не будет, баз данных тоже, как «Ангел» вам поможет?

– В корень смотришь. – Виктор хитро прищурился. – Раз-

работаете со временем программу и для частных самолетов. А вообще, мы с клиентами летаем на разных рейсах. И жить все хотят.

Глава 3. Лиза

В большой захламленной книгами и старыми семейными фотографиями профессорской квартире звучали аккорды ноктюрна Шопена и гулял сквозняк. На кухне, объединенной с гостиной с помощью новомодной арки, была настежь открыта балконная дверь, теплый ветер с улицы раздувал легкие шторы брусничного цвета.

Лиза варила бабушке кофе. Бабушка не признавала смесей, только робуста, только свежемолотый и обжаренный не позже одного месяца назад. Она покупала такой в интернет-магазине «Торрефакто». И пила без молока, но с сахаром.

На кофейной поверхности в турке появились пузырьки. Они все увеличивались, увеличивались, пока не вспухли непрозрачной шоколадной пенкой. Лиза сняла с огня турку, поставила на крошечный поднос, на котором уже были сахарница и чашка с блюдцем, и понесла все в кабинет бабушки.

Елена Александровна, профессор математики, бывший преподаватель академии, что-то писала, сидя за большим письменным столом.

Бабушка и внучка были похожи, только у Лизы на плече лежала толстая русая коса, а седые волосы бабушки украшала удлиненная стрижка с асимметричной челкой. А глаза,

серо-голубые, форма носа и губ повторялись, как у матери и дочери. И осанка. Осанка была та же. Бабушка с детства заставляла Лизу делать упражнения для укрепления мышц спины. И теперь, несмотря на маленький рост, Лиза выглядела стройной и нравилась себе, когда мельком оглядывала свою фигуру в зеркале. Еще у Лизы были ямочки на щеках, а у бабушки нет. Ямочки достались Лизе от отца. Наверное. Потому что отца Лиза не помнила. Зато помнила деда. Он умер, когда Лизе было одиннадцать. Он тоже был профессором. И считал, что девушке нужны мозги, а не осанка. Поэтому, определив, что Лиза с раннего детства проявляет особые способности к запоминанию, занимался с ней по методике тренировки памяти знаменитого Соломона Шерешевского. Сейчас Лиза легко запоминала огромные объемы информации. К ЕГЭ вообще не готовилась. Сдала сразу с высшим результатом. В МГУ на исторический тоже поступила легко в 16 лет. Экзамены и зачеты на первом курсе даже не заметила, половина была проставлена «автоматом». Запоминала легко, с первого раза, а забывать ненужное и уже отработанное иногда не получалось. Не успел дед научить этому, не довел дело до конца. Умер. Когда Лиза подросла, пыталась сама разобраться в мемуарах Шерешевского, который разрабатывал собственные способы «забывания информации», но они ей мало помогали.

– Бабуля, вот кофе.

Елена Александровна, не отвлекаясь, постучала согнутым

пальцем по краю стола рядом с собой. Лиза поставила туда поднос. Но возвращаться на кухню не спешила. Вместо этого подошла к окну, потрогала землю в горшках с цветами, проверяя, влажная ли. Отодвинула дальше к стенам шторы. Прикрыла форточку: здесь сквозняк чувствовался особенно сильно, а у бабушки иногда обострялся радикулит.

– Ну, что ты бродишь тенью? Мне нужно дописать статью, у меня сегодня дедлайн, – последнее слово бабушка произнесла с гримасой.

– Пошептаться надо.

Лиза подошла к прямой спине бабушки, положила ей на плечи ладошки и принялась поглаживать напряженные мышцы.

– Ой, вот здесь, вот здесь помни еще.

Елена Александровна перехватила руки Лизы, ласково пожала их и развернулась вместе со стулом к внучке.

– Рассказывай о своих проблемах. И подай сигареты.

Она сняла очки и положила их на стол, вставила сигарету в гладкий длинный мундштук ручной работы из натурального коньячного янтаря. Мундштук ей подарили недавно на юбилей бывшие коллеги. Бабушка тогда сказала, что хотела уже бросить курить, все-таки возраст, но ради такой красоты, пожалуй, потерпит, бросать пока не будет.

Несмотря на утреннее время, Елена Александровна была аккуратно одета и причесана. Она строго осмотрела Лизу, не нашла к чему придрататься, закурила и сделала жест рукой,

мол, излагай, я слушаю.

– Мне нужно уехать в среду на несколько дней. Прикроешь меня перед мамой? Скажешь, что разрешила.

– Сначала изложи задачу, исходные данные и доказательства, что событие действительно необходимо.

Лиза подтянула к себе стул от окна, села напротив бабушки, выпрямилась, сложила руки на коленях и улыбнулась, отчего обозначились ямочки на щеках.

– На факультет пришла дама из деканата и зачитала предложение об участии в эксперименте. Какая-то лаборатория из Москвы, все официально. Нужно поехать в дом отдыха под Звенигородом, заполнить анкеты, пройти квест, потом в час пик доехать до аэропорта Шереметьево. На все дается три дня плюс два выходных: субботу и воскресенье те, кто захочет, тоже проведут в доме отдыха. Там есть пляж и лес.

– Звучит как бред. Разве такие испытания бывают? Мне нужен адрес и название лаборатории, я пробью информацию по своим каналам.

– Хорошо, пробивай.

– Почему ты хочешь поехать? С кем?

– Ни с кем. Просто интересно провести несколько дней на природе недалеко от Москвы. И если выполнить все задания, дадут бонус. Деньги. Немного, но все-таки.

– А билеты, проживание, питание на эти дни?

– Все оплачивают. Ты лучше подумай, что мы скажем маме.

– Сначала я все проверю.

Бабушка достала из кармана домашних брюк мобильник, включила его, вытянула из пачки еще одну сигарету и пошла через всю квартиру на балкон, выход на который был из кухни. Если ей нужно было *серьезно* поговорить, она всегда туда выходила, даже зимой.

Лиза двинулась за ней, но бабушка махнула рукой – мол, останься, и Лиза опять присела на свой стул.

На самом деле Лизе не нужен был никакой загородный отдых. Несколько дней прожить в четырехместной комнате неизвестно с кем? Делить общий туалет? Сомнительное удовольствие. А вот деньги... Она давно присмотрела книгу «История Китая в Средние века», подарочное издание. На днях заходила в магазин, увидела скидку на ценнике и надпись: «Последний экземпляр». Книгу хотелось, а просить на это деньги у бабушки – нет. И так половина стипендии уходила на книги, бабуля подбрасывала иногда с гонораров за статьи, но нельзя же постоянно кланчить.

Мозг Лизы, словно огромный костер, поглощал топливо-информацию. Если она не получала новых знаний, то чувствовала себя ненаполненной, как непозавтракавший, голодный человек. Дед, чья фотография в рамке украшала старинное бюро из дуба, стоявшее в комнате Лизы, когда был жив, радовался такому побочному эффекту выбранной им методики запоминания. Гладил Лизу по голове, упиваясь успехами внучки, и говорил, что когда-нибудь они вместе совершат

открытие. Теперь Лизе приходилось расхлебывать заваренную дедом кашу одной.

Для участия в испытаниях Лизе как несовершеннолетней требовалось согласие родителей. Можно было попросить мать, возможно, удалось бы ее уговорить. Но ехать на другой конец Москвы, где последние несколько лет она жила, совершенно не хотелось. Метро Лиза не выносила. Как и любой общественный транспорт. Еще один эффект методики Шерешевского – она плохо запоминала лица. Вместо лиц у вполне нормальных тел могли быть какие-то разноцветные огни или что похуже. Раньше они снились ей по ночам, эти люди без лиц, увиденные в метро, трамвае или торговом центре. Со временем прошло – Лиза научилась справляться со снами, а отвращение к большим скоплениям людей осталось.

Из коридора слышался мягкий стук по паркету широких каблучков домашних туфель бабушки.

– Все вполне законно, лаборатория приличная, исследования без медикаментов, просто выяснят, как действуют в определенных обстоятельствах люди с разным ай-кью. – Бабушка, зайдя в комнату, чмокнула Лизу в макушку, затем заглянула в пустую турку. – Пойдем на кухню, поедем чего-нибудь? И да, я позвонила твоей маме, спросила, не возражает ли она.

– И она? – усмехнулась Лиза.

– Не возражает.

Лиза подхватила чашку из-под кофе, сахарницу и пошла

вслед за бабушкой на кухню.

– А ты подпишешь мне согласие вместо родителей?

– Я подпишу. Но ты пообещаешь мне, что, если что-то тебе не понравится, сразу уедешь оттуда, из этого дома отдыха. Вообще-то приглашены студенты в том числе и с высоким ай-кью, возможно, это будет приличное общество. Не забывай о своей родословной, Лиза.

– Да я вообще не собираюсь там ни с кем общаться. Проведу три дня на испытаниях, получу вознаграждение – и домой.

– Напрасно. Ты сможешь познакомиться с интересными людьми. И так постоянно сидишь дома, уткнувшись в книги.

– Зато не в планшет, – тихо, чтобы бабушка не услышала, буркнула Лиза.

– Спасибо, что не в планшет, – не услышав Лизу, повторила ее слова Елена Александровна. – Иногда, глядя на маленьких детей с планшетами и их молодых родителей с мобильными телефонами, мне думается, что твой дед с этой его дурацкой идеей развития памяти был прав. Потом я вспоминаю, как ты мучилась со своими кошмарами в сновидениях, и начинаю сомневаться.

Лиза промолчала. Бабушка не знала самого главного. То-го, зачем дед развивал память внучки, почему торопился и каким именно открытием хотел поразить ученый мир. А Лиза знала.

В полупустом вагоне электрички Лиза внимательно смотрела на пролетающий за окном подмосковный пейзаж.

Она едва не опоздала из-за бабушкиных наставлений, торопясь, вбежала на платформу, заскочила в последний вагон. И поняла, что ее ждут неприятности, еще до того, как за ней закрылись двери. Компания из пяти развеселых парней с гитарой обосновалась посередине, перекрывая путь в другие вагоны. Лиза шмыгнула к ближайшему месту у окна, села спиной к парням и затаилась. Но успела заметить, что один из них (она мысленно назвала его Громилой за мощную перекачанную фигуру) оценивающе посмотрел на ее косу. Черт! Коса! Она же заколола ее шпильками в узел и спрятала под косынку, но та, словно коварная змея, выскользнула, растеряв где-то по дороге шпильки.

Коса всегда была источником повышенного внимания к Лизе. Кончик ее, чуть выющийся, пушистый, опускался намного ниже пояса, и Лизе казалось, что все пялятся именно на кончик, то есть на попу. От этого она стеснялась и все просила бабушку отрезать волосы покороче, хотя бы до лопаток, и мыть-сушить легче, и укладывать. Но бабушка, всю жизнь проходившая с короткой стрижкой, возражала.

Лиза крепко сжала лямки рюкзака, который так и держала в руках после проверки у турникета при входе на вокзал. Она

услышала громкий хохот за спиной и подумала, что неприятности вряд ли пройдут мимо, не задев ее. В вагоне, кроме нее, находились пожилая пара и сидящий недалеко в соседнем ряду лохматый парень, уставившийся в планшет. Помощи ждать неоткуда. Нужно защищаться самой. Она опустила голову и закрыла глаза, настраиваясь на хамский тон и вытаскивая из памяти забористые словечки. Или прикинуться дуручкой? Тоже срабатывает, она читала про такое.

– Привет!

Лиза подняла голову и буквально уткнулась в серые внимательные глаза. Лохматый с планшетом. А ему что нужно?

– Привет. Я это... В деревню двигаю, к бабке. Огород надо выполоть. А ты?

Лиза увидела разочарование на лице лохматого.

– Я думал, ты едешь на испытания в дом отдыха. Извини, ошибся.

Позади опять раздался хохот, зазвучали аккорды и первые слова известной песенки про встречу одинокой девушки и красивого парня, и Лиза подумала, что, как только лохматый уйдет, Громила будет здесь.

Лохматый поднялся, но Лиза ухватила его за руку и с силой потянула обратно:

– Посиди со мной. Я боюсь этих, с гитарой.

Парень не спеша осмотрел компанию, потом хмыкнул, но сел, снова достал планшет и принялся листать картинки. Молча. Так они проехали минут десять.

– Сейчас будет остановка, можешь пересесть в другой вагон.

Парень посмотрел в окно на замелькавшие в редких перелесках дома.

– Так ты едешь на испытания? Я тоже. Меня Лиза зовут. – Лиза решила подлизаться к парню и попытаться уговорить его добираться до дома отдыха вместе. Она даже перекинула со спины на плечо свое главное оружие – косу – и улыбнулась так, чтобы отчетливо были видны ямочки.

– А бабушка с огородом?

– Наврала.

– Что-то ты молодо выглядишь для испытаний. Я сначала подумал, что ты старше. Тоже наврала? Про испытания. Чтобы я не ушел? – Парень сощурил серые глаза и насмешливо прошелся ими по косе. Лиза перекинула косу второпях, не подумав, и теперь пушистый предатель-кончик лежал прямо на груди. Куда парень ожидаемо и устоялся.

Лиза поспешно двинула плечом, коса опять скользнула за спину.

– Мне скоро семнадцать, но я второкурсница. МГУ, исторический.

Вот так. Получил? Лиза выпрямила и без того ровную спину и теперь сама насмешливо оглядела парня. Высокий. Плохо подстриженный, оттого и кажется лохматым. Симпатичный. Но против Громилы... Если только не каратист – они тоже бывают худые. Лиза скосила глаза на костяшки

пальцев парня. Нет, не каратист. Руки с длинными пальцами и нормальными суставами.

Пальцы потянулись к планшету, покрутили пару каких-то графиков на экране и принялись листать непонятные картинки. Когда Лиза подняла на парня глаза, то увидела только лохматую макушку. Сцена обольщения не удалась. Но и не ушел.

Электричка остановилась на станции, пожилая пара вышла, но никто не вошел, и теперь в вагоне осталась только шумная компания и Лиза с лохматым.

* * *

Павел просматривал файл со списком студентов, согласованным во время непростых споров с Борисом Львовичем. Всего сорок человек, как и планировалось. Если эта кнопка со смешной косой говорит, что ее зовут Лиза и она с исторического факультета МГУ, значит, она должна быть в группе испытуемых с высоким ай-кью. И что здесь у нас? У нас здесь всего одна девушка по имени Елизавета. Елизавета Фальская. На присланном фото ее не узнать. Наверное, специально сильно накружилась, чтобы выглядеть взрослее. Но это точно она, потому что здесь указан возраст: 16 лет. Ух ты. Ай-кью действительно высок. Что ж, можно и познакомиться. Или потом?

А, здесь на фото есть еще одно знакомое лицо. Вернее,

четыре лица. Шумная компания с гитарой. Вот и здоровяк, Гуськов Алексей, ай-кью средний. Педагогический университет. Будущий преподаватель физической культуры в какой-нибудь средней школе.

– Привет!

Павел оторвал взгляд от экрана планшета. Ух ты. Будущий школьный учитель собственной персоной. Значит, Лиза не зря опасалась. Павел ухмыльнулся и встал, оказавшись на полголовы выше физкультурника. В опасных ситуациях он всегда использовал преимущество своего высокого роста. Московские школьники из благополучных семей мотались между спортивными секциями, музыкальными школами и дополнительными уроками английского. Отец дал Павлу свободу, можно было выбирать что хочешь. Паше нужен был только английский. Он всегда знал, что станет программистом, как отец. Так что свободных вечеров для гуляния по дворикам и улочкам в небезопасных московских сумерках у Павла было много. И драться приходилось. И убегать. И красоваться в школе с разноцветным бланшем под глазом.

Мощные плечи Гуськова бугрились под тонким трикотажем футболки. Ну что? Ай-кью против мяса? У Павла азартно застучало сердце.

– Привет.

– Может, к нам? У нас весело.

Павел оглянулся на Лизу:

– Ты хочешь, чтобы нам было весело?

Лиза отрицательно помотала головой. Павел увидел сжатые в кулачки маленькие пальчики Лизы. Она что, драться собралась?

– Спасибо. Мы не хотим.

Павел чуть качнулся вперед, Гуськову пришлось сделать шаг назад – в проходе между двух скамеек было слишком тесно.

– А, вы парочка, да? Поссорились, а теперь помирились? Не буду мешать, любляйтесь.

Гуськов зло дернул верхней губой, приоткрыв зубы, получилось страшновато.

– Мы никакая не парочка!

Лиза вскочила – не сидеть же, когда говоришь такие слова. И потом растерянно села обратно. Еще не хватало, чтобы ее делили эти два... Лохматый и Громила. Что скажет бабушка?

Павел мысленно застонал. Ведь все уже разрулил. Что-то ай-кью девушке явно зависили. Соображает не быстро.

– Просто знакомые. И, Леша... Ты иди к своим друзьям, хорошо? А то испытания для вас закончатся, не начавшись. И бонус-вознаграждение исчезнет. Фьюить! – тихо свистнул Павел.

– Ты кто? Откуда знаешь, как меня зовут и куда я еду? – Гуськов уже не смотрел на Лизу, а пристально разглядывал Павла.

Бренчание гитары смолкло. Четверо друзей Гуськова тоже

подошли, не поняв, почему их друг задержался возле высокого лохматого незнакомца, хотя пошел пригласить понравившуюся девчонку.

– Я – Станов Павел. У вас в договорах есть моя фамилия, в пункте четыре, там, где про ответственного за проведение испытаний. Я – ответственный. Кстати, мы подъезжаем. На перроне у входа на вокзал будет стоять встречающий с плакатом: «Клинцы». Так называется дом отдыха. Вам туда.

Павел сел, достал планшет и сделал вид, что ему нужно срочно что-то найти в файлах. А сам напрягся, подумав, что вот сейчас наломают ему как ответственному, чтобы не выделялся. Или все-таки бонус-вознаграждение, добавленный начлабом в договор после переговоров с юристами и бухгалтером, окажется важнее, чем возможность покрасоваться перед Лизой? Деньги небольшие, но денег всегда не хватает. Особенно студентам. Так что? Навалиют или уйдут? Краем глаза он увидел, что парни уходят, и перевел дух. Поединок между «мозгами» и «мясом» – это интересно, конечно, но не хотелось бы потерять авторитет в первый день испытаний.

Едва электричка остановилась, Павел, не обращая внимания на Лизу, сунул планшет в рюкзак и пошел к выходу. Компания Гуськова двинулась к противоположным дверям. На станции Павел осмотрелся, а потом подошел к встречающему студентов менеджеру из дома отдыха – девушке в синем брючном костюмчике на точеной фигурке, представился и

спросил:

– На испытания все студенты приехали? Следующая электричка будет после обеда.

– Пока приняла только пятнадцать человек. Всем выдала в конвертах номера комнат, карту проезда, талоны на питание, расписание. И анкету, как договаривались. Номер вашей жилой секции – пятнадцатый. Первый этаж. Две комнаты, кухня, санузел. Это такой люкс для семейных у нас предусмотрен. Вот ваш ключ.

Девушка с любопытством оглядела перрон.

– Вроде все разобрали конверты, кто приехал этой электричкой. Вы – последний. Расскажите про испытания? У нас такого никогда не было.

– Потом, ладно? Сейчас времени нет. Извините.

До дома отдыха можно было добраться двумя способами: пешком и на автобусе, который двигался с сумасшедшей скоростью – сорок километров в час. Павел ехал на таком на прошлой неделе. Возил посмотреть местность забавную пару из агентства, в котором писали на заказ сценарии квестов. Мужчина был в костюме и галстуке, а девушка в драных джинсах, из дырок которых выглядывали острые колени, и с разноцветными дредами ниже лопаток. Девушка звала мужчину Серый, а он ее – Белка. Сценарий, который Белка и Серый прислали в лабораторию, был качественным, именно таким, какой и хотел Павел для второго этапа испытаний. Начлаб, с самого начала относившийся ко второму

этапу, придуманному Павлом, скептически, как и отец, пожал плечами и пробормотал: «Интересно».

На автобусе Павел не поехал, такой «стремительный» транспорт его не устраивал. Как только электричка отошла от перрона, он двинулся к лесной тропинке, про которую узнал от служащих дома отдыха: они рассказали, что сами на станцию попадают именно через лес, пешком. Ступив на протоптанную дорожку, Павел почувствовал движение за спиной и резко обернулся. В нескольких шагах позади, с независимым видом стояла Лиза. В легких брючках, светлой блузке, с косынкой на плечах и в летних кедах. В руках она нервно сжимала небольшой рюкзак.

– Разрешаю сопроводить меня до дома отдыха. – Лиза вздернула носик: – Ты же ответственный?

– Ты почему в автобусе со всеми не поехала?

– Там Громила с друзьями.

– Какой Громила? А, Гуськов. На следующем тогда поедешь. Мне некогда с тобой возиться.

– Я пойду с тобой. Не хочу я тут оставаться одна.

Павлу по дороге надо было проверить две поляны, посмотреть, как установили видеокамеры для квеста. Зачем ему Лиза? Только будет путаться под ногами.

– Если мы выйдем из леса вместе, Громила снова скажет, что мы – парочка. И придется по поводу того, чем мы в лесу занимались.

– Я зря вылезла в вагоне, высказав свое мнение. Извини...

Ну что? Пойдем?

Павел вздохнул:

– Пошли.

В лесу было прохладно. Пахло хвоей, влажной корой и цветами. Утоптанная тропинка хорошо просматривалась в траве.

– Может, у тебя по отношению ко мне возник синдром утенка? – поддразнил Павел Лизу.

Они шли друг за другом. Павел – впереди.

– Синдром утенка – психологическое явление, при котором человек, сталкиваясь с новой для себя областью, первый встреченный объект считает лучшим. Безобидное на первый взгляд явление может иметь далеко идущие последствия для психики. Зачастую негативные, – услышал Павел монотонный голос Лизы и развернулся.

Девушка, чуть прикрыв глаза, продолжала идти и говорить, будто читала:

– Синдром ассоциируют с открытием известного австралийского зоопсихолога и лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца. Он сделал интересное наблюдение. Только что вылупившийся гусенок принимает за маму первый попавшийся движимый объект. Это может быть взрослая птица, другие животные, люди и даже техника. Детеныш начинает следовать за объектом, повторяет его действия. В оригинале психологическое явление называлось «синдром гусенка», потому что Лоренц изучал именно этих птиц. Но при пе-

реводе на русский язык произошла ошибка. Термин закрепился именно в таком виде.

Павел стоял, Лиза дошла до него и тоже остановилась, но продолжала говорить:

– Возникают проблемы. Например, в отношениях. Человек может состоять в несчастливом браке всю жизнь, потому что встретил кого-то в юности и решил, что только с ним можно создать семью. Синдром утенка, с одной стороны, не позволяет прекратить отношения, а с другой – над ними работать. Получается замкнутый круг. Это касается не только романтических отношений, но и общения с друзьями, родственниками и коллегами.

Лиза помолчала, раскрыла широко глаза и выпалила:

– Нет никакого синдрома утенка. Просто так совпало. Ты мне даже не нравишься!

Павел насмешливо улыбнулся:

– Конечно, нет. Просто совпало, я понял. А что это сейчас было? Смотрелось прикольно. Идешь, как робот, и говоришь.

– А ты испугался? Прикольно... – передразнила Лиза. – У меня уникальная память на тексты. Все, что читаю, запоминаю. Поэтому учеба дается легко. ЕГЭ – на сто баллов. В МГУ – экзамены без проблем.

– Вот почему у тебя ай-кью – «высокая одаренность»! – Павел присвистнул: – Круто!

Он посмотрел на маленькую Лизу с уважением и пошел

дальше, размышляя, что теперь сходить на две поляны, чтобы посмотреть видеокамеры, точно не получится. Или получится?

– Все запоминаешь или только тексты?

– В смысле?

– Ну, лица, места, где побывала, кто во что одет?

– Нет, только тексты.

– А в лесу как ориентируешься? Ну, типа, пошла за грибами, а потом по тому же пути обратно выйдешь?

– Не знаю. Не пробовала. Дачи у нас нет. Грибами мы с бабушкой не интересуемся. С группой на пленэр я не выезжаю.

– С бабушкой живешь? Это от нее у тебя словечки смешные? «Пленэр», «разрешаю сопровождать»?

– Ой!

Павел снова обернулся и успел поймать Лизу, которая, зацепившись ногой за выступающую из земли корягу, упала прямо ему в руки. Серо-голубые испуганные глаза замерли в десяти сантиметрах от лица Павла. Он почувствовал аромат шампуня от волос Лизы и легкий цветочный запах ее одежды.

Девушка уперлась двумя руками ему в грудь и оттолкнулась. Оглядела одежду, отряхнула несуществующую пыль и наконец смущенно взглянула на Павла. Тот так и стоял с растопыренными руками.

– Бабушка – последняя из старинного рода князей Фаль-

ских. Она учит меня этикету, французскому и водит на балльные танцы.

Павел опустил руки, отвернулся и снова двинулся по дорожке. Бабушка воспитывает? Этикет и балльные танцы? А где же мама и папа? Или Лиза сирота, как и он?

– А память от рождения уникальная? – спросил он, чтобы не ляпнуть случайно про родителей, вдруг там какая-то психологическая травма. Павел вспомнил похороны отца и пошел быстрее.

– От рождения была просто хорошая. Дед с детства со мной занимался по методу Шерешевского. Слышал о таком?

– Нет. – Павел машинально отметил, что появился дед, а про отца и мать так и не было сказано ни слова.

– Ну вот, до одиннадцати лет я осваивала методику и постоянно тренировалась с дедом. А потом уже сама.

Впереди в просвете между деревьями показалась первая из двух полян, куда хотел завернуть Павел. Он так и не решил, идти туда с Лизой или нет. Если идти и показать Лизе поляны и видеокамеры, то на втором этапе у нее будет преимущество перед остальными испытуемыми. И Павел потопал дальше, мимо поляны.

– А почему мы все время говорим обо мне? – Лиза с опаской перешагнула корневище на тропинке, причудливым узлом выпирающее из-под земли.

– Я не говорю о тебе, я тебя слушаю.

Павел обошел лежащую прямо на дорожке березу, видно,

поваленную ураганным ветром месяц назад. Листья на ветках продолжали жить, несмотря на вывороченные из земли корни. За березой тропинка ныряла в заросли орешника. Павел пошел быстрее, похожие заросли он видел, когда ему показывали, как пройти к станции лесом. Значит, дом отдыха должен быть уже близко.

Сначала Павел уперся в забор, который неожиданно возник сразу за орешником. Тропинка повела вдоль забора, и Павел, не обращая внимания на пыхтевшую позади Лизу, еще ускорил шаг, потом увидел распахнутые ворота, охранника – и остановился. Лиза тоже остановилась.

– Ну вот, княжна, ваши палаты. Идите на ресепшен, регистрируйтесь. Напоминаю, что анкету нужно заполнить и сдать сегодня до восьми вечера.

Лиза фыркнула на «княжну» и юркнула мимо охранника, а Павел остался у ворот.

Глава 4. Дом отдыха

Высокий худой охранник в черной спецодежде с лейблом «Клинцы» на кармане жилета и в шапочке, прикрывающей лишь макушку, шагнул навстречу. Павел его не знал, в прошлый раз здесь был другой.

– Вы – Павел Станов, ответственный за проведение испытаний? – уточнил он. – Я временно исполняю обязанности начальника охраны. Игорь Палицын.

Павел, который планировал просто дождаться студентов, ехавших сюда на автобусе, растерялся.

– Почему вы думаете, что я – Станов? И мне все равно, кто здесь начальник охраны. Мы не военные. Отдыхающие. Э-э... – Он вдруг спохватился: вдруг начлаб звонил сюда и сделал какие-то распоряжения, но о них пока не предупредил Павла? – Игорь Палицын, я понял, очень приятно.

– Я случайно узнал о ваших испытаниях. Виктор, который приезжал в лабораторию от РОБТ, мой друг. Мы обсуждали с ним «Ангела». И ваше фото я у него видел.

– Ко мне на ты. – Паша подумал, что, возможно, ребята из РОБТ пытаются его контролировать. Проверяют, как тратятся спонсорские деньги. Поставили сюда своего человека... Да пусть проверяют. Главное – провести испытания, чтобы отчитаться перед начлабом и доказать их с отцом теорию о том, что люди с разным уровнем интеллекта по-разному под-

ходят к решению задач. И чтобы в лаборатории продолжили работать над «Ангелом».

– Ну и ко мне тогда на ты.

Послышался звук мотора подъезжающего автобуса. Ватага шумных студентов с гвалтом и хохотом вывалилась наружу, двери закрылись, и облегченный транспорт покатило дальше. Студенты гурьбой подошли к воротам.

– Идите на ресепшен, отмечайтесь, заселяйтесь. Вот этот корпус, – Павел указал на выступающее из высоченных сосен трехэтажное белое здание с лоджиями.

– Слышь, ты же тут главный?

Возле Павла стоял Гуськов, которого Лиза назвала Громилой, его дружки остановились метрах в десяти.

– Я главный. Что нужно?

– Такая проблемка нарисовалась. Нас пятеро.

– Не слепой. Пятерых в одну комнату не поселят, не надейся.

– Ты погоди... главный. Ко мне брат приехал из Омска. Двоюродный. А тут как раз эти испытания. Не мог же я его бросить.

Павел опешил:

– Ты что? Обалдел? Его же в списках нет! У нас оплачено сорок человек. Питание и проживание.

– Питания не надо. Мы порешаем. Только место, где спать.

Гуськов топтался на месте, маленькие глаза под широко-

ми бровями смотрели сердито и вызывающе.

– Ничего не могу сделать, – отрезал Павел и отвернулся. Придурок! Брата припер с собой. Тут что, общага?

– Слышь, ты, главный... – Гуськов подошел вплотную и схватил Павла за рубашку. – Ты решай мой вопрос, а то я тоже уеду. И ребят своих заберу.

– Руки убрал! – начальник охраны рубанул по запястьям Гуськова, тот отскочил, продолжая сверлить Павла глазами. Его команда быстро подтянулась, и теперь Павел с охранником стояли, окруженные парнями Громилы. Остальные студенты с любопытством смотрели на разгорающийся скандал.

– Леха, да не надо! – парень, лицом похожий на Гуськова и такой же перекачанный, схватил его за локти. – Я тебя в Москве подожду, подумаешь, пять дней!

– Да иди ты! – Гуськов вывернулся из захвата брата, толкнул Павла в грудь, сплюнул и отошел. За ним, тихо переговариваясь, подтянулись дружки.

– Помочь? – начальник охраны так и стоял рядом.

«Номер вашей жилой секции – пятнадцатый. Первый этаж. Две комнаты, кухня, санузел. Это такой люкс для семейных у нас предусмотрен», – вспомнил вдруг Павел слова девушки-менеджера на перроне.

– Эй, Гуськов, подойди. – Павел и сам не знал, зачем он это делает. То ли жалко стало брата из далекой Сибири, то ли испугался того, что из испытаний выйдут сразу четыре человека, но решение было принято. – Пойдем вместе на ресеп-

шен. Сейчас вас распределяю. А тот из списка, кто приедет последним, будет жить со мной. Но, Гуськов. Я тебя предупреждаю. Если сорвете испытания...

– Все будет норм, главный. Не бойсь. Братишке, это... надо анкету сдавать и квест проходить?

– Анкету обязательно, а дальше посмотрим. Если не все приедут, значит, будет и в квесте участвовать.

– Я забыл сказать, – проговорил начальник охраны вслед Павлу, – коробки для тебя привезли рано утром. Мои ребята отнесли их в твою комнату.

– Это ксерокс, системник и монитор. Для работы нужно, – донесся до охранника ответ Павла.

* * *

В свою секцию на первом этаже Павел пришел после того, как уладил проблему с проживанием брата Громилы-Гуськова. Секция, как и говорила девушка-менеджер на перроне, состояла из двух комнат, маленькой прихожей, кухни и душевой. Павел осмотрел комнаты, выбрал ту, что побольше, скинул рюкзак на кровать, подошел к окну и распахнул его. В комнату хлынул воздух, пахнувший хвойным лесом и свежескошенной травой. Слышалось яростное чириканье птиц и недалекий гул газонокосилки. Павел распаковал и установил оборудование для работы, принял душ, сходил в столовую и позвонил Борису Львовичу.

– Это я, Паша. Доехал нормально. Встретили, в номер секции поселили: две комнаты, душ, кухня. Все по плану, никаких проблем. Народ подтягивается. Напишу потом инфу по группам, как анкеты обработаю. – Павел послушал начлаба и перебил его: – В расписании дедлайн указан: сдать анкеты до восьми вечера. Все, дядя Боря, пока. Не волнуйтесь, я не подведу.

Вечером, когда Павел вносил результаты анкет в программу обработки данных, в дверь тихо постучали.

– Открыто! – не поворачиваясь, крикнул Павел и поднес ближе к монитору очередную анкету: по комнате плавали серые сумерки, вставать и включать свет не хотелось, а монитор был достаточно ярким, чтобы разбирать написанные разными почерками ответы на вопросы.

– Привет, – раздался от входной двери голос. – На ресепшене сказали, что моя комната здесь.

Павел развернулся. В прихожей, не закрывая за собой дверь, мялся не особо высокий, интеллигентного вида парень, одетый в джинсы и мятую рубашку с короткими рукавами. На плече у него висела потертая дорожная сумка. Парень хрустнул суставами пальцев, вздрогнул и опустил руки по швам.

– Здесь, здесь. Заходи. А что ж так поздно приехал? На ужин опоздал, анкету в срок не сдал.

– Я прямо сейчас все сделаю. – Парень переступил с ноги на ногу, но так и не решился отойти от двери. – Я девуш-

ке своей помогал, нужно было отвезти в деревню ее мать и младшую сестру. Отца у них нет.

– Уважаю.

Павел пересек комнату, вышел в прихожую и протянул руку:

– Павел Станов. Буду проводить испытания. Вон твоя комната, бросай вещи и садись за анкету. Двое только не сдали: ты и какая-то Инна Столетова. Тоже пока не приехала. Может, и не приедет.

– Тимур. – Парень двинулся по коридорчику и заглянул в комнату, указанную Павлом.

– А... почему я один? В договоре написано, что студенты будут жить в номерах по четыре человека.

– Тебе не хватило места на втором этаже с остальными. Так вышло. Быстрее, Тимур. Где твой конверт с анкетой и расписанием? Давай-давай, начинай заполнять. Тормозишь всех.

Павел вернулся за стол, открыл профиль Тимура и пробежал глазами: будущее литературное светило, автор романа «Миллениал», по которому сейчас снимали сериал, уровень интеллекта – «высокая одаренность». Только Павел подтянул к себе следующий лист, чтобы продолжить работу над анкетами, в дверь, теперь уже не входную, а в комнату, снова постучали.

– Что?! – Павел зарычал. Он не любил отвлекаться.

Тимур пробормотал скороговоркой в приоткрытую дверь:

– Инна Столетова тоже приехала. Мы вместе ехали в автобусе.

– Понятно. Значит, все в сборе. И даже один лишний.

Лишний – брат Гуськова, имел, судя по анкете, «средний интеллект», чуть выше, чем сам Гуськов. То есть относился к восьмидесяти процентам населения по рейтингу, придуманному отцом. Интересно, как Гуськовы завтра пройдут квест? И как послезавтра доберутся до аэропорта? «Но для репродукции нации, – хихикнул про себя Павел, – крупные плечистые братья точно подходят». Вспомнив Гуськовых, Павел представил рядом с ними Лизу, с капельками пота над верхней губой, выпавшими из косы пушистыми прядями и испуганными серо-голубыми глазами, такой, как в тот момент, когда она, споткнувшись на лесной тропе, упала ему прямо в руки, и дернулся как от удара током. Пойти, что ли, проверить, как там студенты проводят вечер? Администрация дома отдыха «во избежание форс-мажоров», как сказал директор при подписании договора на обслуживание испытаний, поселила студентов отдельно от отдыхающих на втором этаже недавно отремонтированного корпуса. Кроме студентов, на этом этаже никого не было.

Павел подумал, что если бы начался какой-нибудь кипиш, то шум было бы слышно, но решил все-таки сходить посмотреть, не признаваясь себе, что воспоминание о Лизе пробудило в нем какую-то смутную тревогу. Лиза же боялась Гуськова, этого Громилу, как она его окрестила. Вот Павел и по-

смотрит, не пристаёт ли Громила к девушке-княжне. Она, конечно, не одна в комнате, но все-таки, все-таки... С анкетами позже можно закончить. Вся ночь впереди.

Этаж, отведенный студентам, гудел, словно улей, полный работающих пчел. Двери в комнаты были закрыты, но за ними слышалась музыка, разговоры, взрывы хохота. Студенты проводили вечер знакомств и праздновали начало приключений. Павел прошел по длинному коридору, остановился возле номера Лизы и прислушался. Нет, он не подслушивал, еще чего не хватало! Но голос Гуськова-Громилы, негромко напевающего под гитару: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...», и женские голоса, на разный манер мурлыкающие знакомые слова старой песни, Павел уловил. Поспешно отскочив от Лизиной комнаты, Павел с независимым видом дошел до лестницы, ругая себя за самоуверенность: как же, решил, что Лизе необходима его помощь, а она там уже всюю развлекается со своим Громилой, – и почти бегом вернулся к себе.

* * *

Лиза, услышав непонятное злобное бормотание, отложила книгу с фонариком на подоконник, где, спрятавшись от всех, читала, и осторожно заглянула в пространство между перилами. По ступенькам вниз неся Павел и что-то бубнил, несколько раз до Лизы донеслось: «Придурок!» Девушка

усмехнулась и вернулась на свое место – лестничный пролет между вторым и третьим этажами, так называемая «мертвая зона». Третий этаж уже считается высоким, и отдыхающие пользуются в основном лифтом, а поселившиеся на втором этаже ходят по лестнице пешком. Когда Лиза днем осматривала дом отдыха, обнаружила как раз между вторым и третьим этажами хитрый лестничный пролет с окном и широким подоконником, где никого не бывает. И как только Гуськов с гитарой и бутылкой белого вина ввалился к ним с девочками в комнату, предложив познакомиться «для прохождения халявного отдыха», Лиза сказала, что сейчас вернется, и сбежала, спрятав книгу под накинутую шелковую шаль – бабушка настояла, чтобы внучка непременно ее взяла.

Книгу про средневековый Китай Лиза все-таки купила. Заняла деньги у бабушки, решив, что отдаст всю сумму после испытаний. Сейчас она нашла нужную страницу, ведя лучом фонарика по строкам, принялась читать дальше и тут же забыла о странном поведении Павла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.